ПРОСТРАНСТВО

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛЕВИАФАНА

ВОЙНА КАЛИБАНА

ВРАТА АБАДДОНА

ПОЖАР СИБОЛЫ

ИГРЫ НЕМЕЗИДЫ

ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

ПРОСТРАНСТВО

ДЖЕЙМС С. А. КОРИ

ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 66

James S. A. Corey
BABYLON'S ASHES
Copyright © 2016 by Daniel Abraham and Ty Franck
Published in agreement with the author,
c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.
All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Татьяны Павловой

Кори Дж. С. А.

К 66 Пространство. Пепел Вавилона : роман / Джеймс С. А. Кори ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-27732-8

Сначала атака инопланетной протомолекулы ослабила Солнечную систему, затем колонизация новооткрытых миров выкачала из нее людские и материальные ресурсы. А теперь еще и вспыхнуло назревавшее десятилетиями восстание Пояса против ига внутренних планет. Созданный радикальной группировкой астеров Свободный флот разгромил Землю и занялся пиратством, перехватывая беззащитные корабли колонистов на подступах к кольцам-вратам, за которыми простирается осваиваемый человечеством космос.

Никто лучше Джеймса Холдена, капитана «Росинанта», и его экипажа не знает сильные и слабые стороны астеров. Поэтому именно ему доведенные до отчаяния лидеры еще недавно враждовавших между собой сил поручают задание исключительной сложности — разыскать и обезвредить «Лазурный дракон», корабль, координирующий боевые действия Свободного флота...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Г. В. Соловьева, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-27732-8

Пролог

НАМОНО

Через три месяца после падения метеоритов Намоно увидела в небе клочки синевы. Удар по Лагуату — первый из трех разбивших мир камней — взметнул в воздух большую часть Сахары, на много недель скрыв и луну, и звезды. Даже багровое солнце с трудом пробивало мутные облака. Песок с пеплом сыпались на Великую Абуджу, скапливались барханами, перекрашивая город в желтовато-серый цвет — в тон небу. Еще разбирая с волонтерской командой обломки, занимаясь ранеными, Ноно поняла: раздирающий ей грудь кашель с черной мокротой — оттого, что надышалась смертью.

От кратера, оставшегося на месте прежнего Лагуата, Лабуджи отделяли три с половиной тысячи километров. Ударная волна повыбивала окна, обрушила часть зданий. Двести погибших, если верить новостям, и четыре тысячи раненых. Больницы переполнились. «Если вы не на краю смерти, просим вас оставаться дома».

Электрическая сеть вскоре рухнула. Солнечным батареям не хватало освещения, а наполненный песком воздух разъедал ветряки — их не успевали очищать. Пока из Киншасы везли термоядерный реактор, город пятнадцать суток сидел без света, да и потом все, что было, направлялось на гидропонику, больницам и правительству, поэтому жить светлее не стало. Выйти в Сеть с ручных терминалов удавалось не всюду, да и то ненадежно. Иногда они на сутки оставались без связи с миром. Следовало ожидать, твердила себе Намоно, — если бы такое вообще можно было предвидеть.

И все же через три месяца в огромном бельме неба появился просвет. Красноватое солнце соскальзывало на запад, и на востоке засветились лунные города — самоцветы на синем поле. Да, грязноватая и клочковатая, но синева. Ноно утешалась, глядя в нее на ходу.

Международный квартал возник, по историческим меркам, недавно. Редкое здание насчитывало больше ста лет. Этот район помнил любовь прошлого поколения к широким проездам между лабиринтами узких улочек и мягким изгибам квазиорганической архитектуры. Главным ориентиром оставался монолит Зума-рок. Пыль и пепел, засыпая скалу, не сумели ее изменить. Для Ноно здесь была родина. В этом городе она росла, сюда, покончив с приключениями, перевезла свою маленькую семью. Здесь надеялась на тихую жизнь.

Она зашлась в горьком кашле — потом просто откашлялась.

Вот и центр помощи пострадавшим: фургон на краю общественной парковки. На боку трилистник — эмблема гидропонной фермы. Не ООН и даже не городская администрация. Чрезвычайное положение сплющило слои бюрократии в тонкую лепешку. Спасибо и на том — не всюду найдешь даже такой фургон.

Пологий холм, поросший прежде травой, скрылся под коркой пыли и пепла. Тут и там змеились борозды и изломанные трещины — дети все равно пытались здесь играть, но сейчас никто не катался по склону. Люди собирались в очередь. Ноно тоже встала. У всех здесь были такие же пустые взгляды. Шок, истощение, голод. И жажда. В международном квартале проживало много норвежцев и вьетнамцев, но пепел и несчастье сбили всех, независимо от цвета кожи, в одно племя.

Борт фургона поехал вниз, очередь шевельнулась, предвкушая. Еще один недельный паек, пусть даже скудный. Дожидаясь своей очереди, Ноно со стыдом вспомнила, что никогда в жизни не нуждалась в базовом пособии. Она была из тех, кто заботится о других, а не из нуждающихся в поддержке. Но вот теперь и ей понадобилась помощь.

Она дошла до фургона. Человека, протянувшего ей пакет, она уже видела. Круглолицый, с черными веснушками на смуглой коже. Он спросил адрес, она назвала. После мимолетной заминки он с четкостью автомата протянул ей белый пластиковый пакет. Ноно взяла. Ужасно легкий. Раздатчик взглянул ей в глаза, только заметив, что женщина не отходит.

— У меня жена, — сказала Намоно. — И дочь.

В его глазах вспыхнула ярость, жесткая, как пощечина.

— Если они могут ускорить рост ячменя или создать рис из ничего, присылайте их к нам. Если нет... вы нас задерживаете!

Глаза у нее защипало от слез.

— По одному на дом, — отрезал раздатчик. — Проходите.

— Но...

— Проходи! — рявкнул он, щелкнув пальцами. — Люди ждут!

Ноно отошла, слыша за спиной непристойные ругательства. Слезы уже высохли — можно не утирать. Вот только глаза щиплет.

Зажав пакет под мышкой, она дождалась, пока прояснится зрение, и пошла к дому. Задерживаться нельзя: есть другие, более отчаявшиеся или менее принципиальные, чем она, они поджидают неосторожных за углами и в подворотнях в надежде раздобыть фильтры для воды и пропитание. Надо идти твердым шагом, чтобы не сочли за добычу. Несколько кварталов она занимала изголодавшийся, измученный ум фантазиями о схватке с ворами. Как будто катарсис насилия сулил ей мир.

Уходя, она обещала Анне зайти на обратном пути к старому Джино, проверить, добрел ли старик до машины. Но, добравшись до нужного поворота, она не стала поворачивать. Усталость уже высасывала мозг из костей, и ей страшно было подумать: возвращаться в очередь, подпирая собой старика. Скажет, что забыла. Это будет почти правдой.

На повороте с широкого бульвара в свой тупичок она заметила, что фантазии в голове сменились. Теперь под ее ударами молил о пощаде не вор, а конопатый раздатчик помощи.

«Если они ускорят рост ячменя...» Это как понимать? Шуточка насчет использования тел вместо удобрений? Он посмел угрожать ее семье? Да кем он себя воображает?

«Нет, — явственно, как будто Анна была рядом, ответил ей внутренний голос. — Нет, он злился, потому что хотел бы помочь, да не мог. Сознание, что всех твоих усилий мало, — само по себе груз. Только и всего. Прости его».

Намоно понимала, что надо бы, но не простила.

Домик у них был маленьким. Полдюжины комнат, стиснутых, как влажный песок в детском кулачке. Ни прямых линий, ни прямых углов. От этого жилье скорее походило на грот или пещеру, чем на построенное человеком здание. Перед дверью Ноно замешкалась, приводя в порядок мысли. Солнце садилось за Зума-рок, в наполненном песком и дымом воздухе вычерчивались широкие лучи. Как будто утес обзавелся нимбом. И точка света в темнеющем небе. Венера. Сегодня в небе, может быть, загорятся звезды. Она уцепилась за эту мысль, как за спасательный плотик в море. Может быть, будут звезды.

В доме было чисто. Коврики вытряхнуты, кирпичный пол подметен. И пахнет сиренью: кто-то из прихожанок Анны принес благовония. Намоно смахнула последнюю слезу. Можно сделать вид, что глаза покраснели от уличной пыли. Если ей и не поверят, так тоже сделают вид.

— Алло! — позвала она. — Есть кто дома?

В дальней спальне взвизгнула Нами, зашлепала босыми ногами по брускам, пулей вылетела к двери. Ее малышка стала не так уж мала. Она теперь доставала макушкой Ноно до подмышки, а Анне до плеча. Ребяческая пухлость ушла, уже подавала голос жеребячья красота подростка. Кожа чуть светлей, чем у Ноно, густые тугие кудряшки, но улыбка — русская.

— Вернулась!

— Как же не вернуться, — отозвалась Ноно.

— Что нам дали?

Намоно отдала дочке белый пакет. Заговорщицки улыбнулась, склонившись к ее лицу:

— Может, ты посмотришь и расскажешь мне?

Нами в ответ ухмыльнулась и поскакала в кухню так, будто ей вручили не восстановители для воды и быстрорастущий ячмень, а бриллианты. В ее не совсем наигранном восторге, кроме искренней радости, было и желание уверить матерей, что с ней все хорошо, что о ней можно не волноваться. Сколько силы — не только ей — дает стремление защитить другого. Ноно не знала, хорошо это или плохо.

В спальне лежала на подушках Анна. Пухлый том Толстого пристроился рядом. Корешок изломан: книга не раз перечитывалась. «Война и мир». Анна тускло бледна, лицо осунулось. Ноно осторожно присела рядом, опустила ладонь на голую кожу на правом бедре жены, над разбитым коленом. Кожа уже не обжигала и не натягивалась, как барабан. Хороший знак.

— Сегодня в небе были просветы, — рассказала ей Ноно. — Ночью могут показаться звезды.

Анна улыбнулась своей русской улыбкой — той самой, что с ее генами передалась Нами:

— Вот и хорошо. Перемена к лучшему.

— Видит бог, есть куда меняться, — отозвалась Намоно и, еще не договорив, пожалела, что не сдержала горечи. Чтобы смягчить сказанное, взяла Анну за руку. — И ты лучше выглядишь.

— Сегодня жара нет, — согласилась Анна.

— Совсем?

— Ну, немножко.

— Много было гостей? — скрывая недовольство, спросила Ноно. Прихожане устроили вокруг раненой Анны большую суету, оказывали знаки внимания, наперебой предлагали помощь, не давая больной отдохнуть. Намоно позволяла себе вмешиваться и отсылать их. Она подозревала, что Анна это допускала больше затем, чтобы паства не отдавала ей последние припасы.

— Амири заходил, — сказала Анна.

— Да что ты? И чего же хотел мой кузен?

— Завтра у нас молитвенное собрание. Всего около дюжины человек. Нами помогла прибрать для них гостиную. Я знаю, надо было тебя спросить, но...

Анна кивнула на распухшую, как тесто, ногу, словно самым страшным, что с ней случилось, стала неспособность стоять за кафедрой. Может, так оно и было.

— Если ты уже в состоянии, — кивнула Намоно.

— Извини.

— Извиняю. Опять. Всегда.

— Ты добра ко мне, Ноно. — И тихо, чтобы не услышала Нами: — Пока тебя не было, объявляли тревогу.

Намоно похолодела.

— Куда ударил?

— Не ударил. Перехватили. Но...

Молчание договорило за них. Еще один. Еще один камень, брошенный в гравитационный колодец, в хрупкие останки Земли.

— Я Нами не сказала, — призналась Анна так, словно считала за грех защитить ребенка от страха.

— Это ничего, — ответила Намоно. — Если надо будет, я скажу.

— Как Джино?

«Забыла» уже подступило к горлу, но Намоно не сумела выговорить ложь. Себе она могла солгать, но не в чистые глаза Анны.

— Сейчас схожу к нему.

— Это важно, — сказала Анна.

— Понимаю. Просто я так устала.

— Потому-то это и важно. Катастрофа заставляет нас сплотиться. В критический момент это выходит легко, естественно. А когда все затягивается, приходится делать над собой усилие. Надо, чтобы все знали: мы вместе.

Пока не прилетел еще один камень, который флот не успеет перехватить. Или не откажут восстановители. Или не случится одна из тысячи бед, каждая из которых означает смерть. Но для Анны и это не беда. Лишь бы все были хорошими и добрыми друг к другу. Пока они бережно ведут друг друга к могиле, Анна считает, что следует своему призванию. Может быть, она права.

— Конечно, — сказала Намоно. — Просто хотела сперва занести домой помощь.

Она едва успела договорить, как в комнату ворвалась Нами: в каждой руке по восстановителю.

— Смотрите! Еще одна прекрасная неделя на очищенной моче и грязной дождевой воде! — возвестила она с усмешкой, и Намоно в миллионный раз подумала, какой идеальной копией своих матерей растет их дочь.

Кроме восстановителей, в пакете были зерновые брикеты быстрого приготовления, пакетики, на которых по-китайски и на хинди значилось «кур-строганов», и горсть таблеток. Витамины на всех. Болеутоляющее для Анны. Уже кое-что.

Намоно посидела, держа жену за руку, пока веки у Анны не опустились, щеки не обмякли, предвещая сон. За окном остатки закатного багрянца сменились серыми сумерками. Анна немного расслабилась, плечи опустились, разгладились складки на лбу. Анна не жаловалась, но ей, кроме общего страха, приходилось выносить боль и беспомощность калеки. Приятно видеть, как все это отступает хоть ненадолго. Анна всегда была недурна собой, но во сне становилась красавицей.

Дождавшись, пока жена глубоко, ровно задышала, Намоно встала. У самой двери ее догнал хрипловатый со сна голос Анны:

— Не забудь про Джино.

— Как раз к нему иду, — тихо отозвалась Ноно, и дыхание Анны снова вернулось к ритму сна.

— А можно мне с тобой? — спросила ее на выходе Нами. — Терминалы опять отключились, делать нечего.

На язык просились: «Там слишком опасно» и «Ты можешь понадобиться маме», — но в глазах дочери была такая надежда...

— Да, только обуйся.

Дорога к Джино стала танцем среди теней. К солнечным батареям пробилось достаточно солнца, чтобы половина домов тускло осветилась изнутри. Немногим ярче, чем от свечей, но светлее, чем раньше. Впрочем, сам город остался темным. Ни фонарей, ни огней небоскребов, и всего несколько ярких точек экогорода на юге.

Вдруг ярко, с силой вспомнилось, как Намоно, не старше, чем теперь ее дочь, в первый раз летела на Луну. Сверкание звезд, ошеломительная красота Млечного Пути. Сейчас даже сквозь пыль над головами виднелось больше звезд, чем пробивалось прежде сквозь городскую засветку. Сияла Луна — серебряный полумесяц, обнимающий темное поле с золотой филигранью. Намоно взяла дочь за руку.

Пальцы Нами стали толще, тверже, чем раньше. Девочка росла. Уже не малютка. Сколько они строили планов на ее студенчество, на совместные путешествия! Все теперь рассыпалось. Мир, в котором они собирались растить дочь, пропал. Намоно подумала об этом виновато, будто могла предотвратить то, что случилось. Как будто это ее вина.

В сгущающейся темноте слышались голоса, но не так много, как бывало. Прежде этот район кипел ночной жизнью. Пабы, уличные артисты, недавно вошедшая в моду жесткая, громыхающая музыка — словно кто-то рассыпал по улице кирпичи. Теперь люди ложились спать с темнотой и вставали с первым светом. Откуда-то пахло едой. Странное дело: даже ячменная каша может стать приметой уюта. Она надеялась, что старый Джино добрался до фургона или что за ним зашел кто-то из прихожан Анны. Иначе Анна добьется, чтобы ему отдали часть их пайка, и Намоно уступит.

Но этого еще не случилось. Нечего кликать беду, пока она не пришла. И без того у порога толпа бед. Пока они дошагали до поворота к старому Джино, в небе погасли последние отблески. Зума-рок виделся теперь тысячеметровой темной массой в темном небе. Словно земля бессильно грозила небу кулаком.

— Ох! — на вдохе вымолвила Нами. — Ты видела?

— Что видела? — спросила Намоно.

— Падучая звезда. Смотри, еще одна!

Да, среди неподвижных, только мерцающих звезд мелькнула полоска света. И еще одна. Пока они стояли рука в руке, по небу скатилось еще полдюжины. Она едва сдержала себя, чтобы не броситься назад, не затолкать дочь в подворотню, прикрывая собой. Объявляли тревогу, но флот ООН

успел перехватить удар. Эти вспышки в верхних слоях атмосферы — может быть, даже не его осколки. Или осколки.

Падучие звезды когда-то были красивыми. Невинными. Больше не будут. Для нее — не будут. И ни для кого на Земле. Каждая огненная полоска нашептывает о смерти. Говорит яснее ясного: «Всему может прийти конец, и ты тут ничего не изменишь». Еще одна яркая, как огонек горелки, полоска безмолвно расцвела огненным шариком величиной с ноготь.

— Эта была большая, — сказала Нами.

«Нет, — подумала Намоно. — Нет, эта не большая».

Глава 1

ПА

— На хрен, права не имеете! — в который раз проорал хозяин «Хорнблауэра». — Мы свое заработали — оно наше!

— Мы это уже обсуждали, сэр, — отвечала ему капитан «Коннахта» Мичо Па. — Ваш корабль с грузом задержан согласно приказу Свободного флота.

— Плевать мне на ваших голодающих! Если астерам нужны продукты, пусть покупают. А что мое, то мое.

— Нужны. Если бы вы подчинились приказу...

— Вы нас расстреляли! Отбили дюзы!

— Вы пытались уйти. Ваши пассажиры и команда...

— Свободный флот, раздери мою задницу. Воры! Пираты!

Стоявший слева Эванс — ее старпом и последнее пополнение семьи — крякнул, словно от удара. Мичо покосилась на него и наткнулась на взгляд голубых глаз. Эванс ухмылялся, сверкал белыми зубами на смазливой физиономии. Парень был хорош собой и знал об этом. Мичо приглушила микрофон, пропуская мимо ушей поток сквернословия с «Хорнблауэра», и кивнула ему: «Ну что тебе?»

Эванс ткнул пальцем в сторону панели:

— Как сердит... задели беднягу койо, теперь не остановишь.

— Серьезней, — одернула Мичо, не сдержав, впрочем, улыбки.

— Я серьезно. Фраже бист.

— Это ты-то нежный?

— В душе. — Эванс прижал ладонь к скульптурной груди. — Ребенок, ми.

В динамике владелец «Хорнблауэра» накручивал себя до пены на губах. Его послушать, Па и грабительница, и шлюха, и плевать ей, чьи там дети мрут с голоду, лишь бы ей платили. Будь она его дочь — убил бы, чтоб не порочила чести семьи. Эванс ухмылялся.

Мичо, как ни крепилась, рассмеялась в ответ:

— Ты знаешь, что, когда флиртуешь, у тебя акцент заметней?

— Да-да, — закивал Эванс. Я сложная смесь любви и порока. Но ты все же отвлекись от него. Теряешь терпение.

— Пока еще не потеряла. — Она оживила микрофон. — Сэр... Сэр! Давайте сойдемся на том, что я из тех пиратов, которые готовы запереть вас до Каллисто в собственной каюте, а не вышвырнуть в пустоту. Устраивает?

После короткой ошеломленной паузы по рации хлынул поток бессвязной ярости, завершившийся чем-то вроде: «Только попробуй, я твою астерскую кровь выпью насухо!» Мичо подняла три пальца. Оксана Буш махнула в ответ с противоположного конца рубки и застучала по оружейной панели.

«Коннахт» от рождения не был астерским кораблем. Его строили для флота Марсианской Республики и снабдили разнообразным набором военных и технических систем. Семья чуть не год разбиралась с ними, поначалу проводя учения втайне. И только когда пришел срок, вступили в дело. Теперь Мичо на своем мониторе наблюдала, как «Коннахт» опознал и пометил на дрейфующем грузовике шесть точек, чтобы вскрыть корпус точно направленными снарядами ОТО. Включились прицельные лазеры, запятнали «Хорнблауэр». Мичо выжидала. Эванс улыбался уже не так уверенно. Он не готов был убивать гражданских. Честно сказать, Мичо бы тоже не хотелось, но она не пропустит «Хорнблауэр» за Кольцо, к будущей колонии на чужой планете. Переговоры велись только об условиях сдачи.

— Стрелять, боссманг? — спросила Буш.

— Пока не надо, — ответила Мичо. — Следи за двигателем. Если включат зажигание — тогда.

— Если они вздумают уйти на отбитой дюзе, сэкономим боеприпас, — с издевкой процедила Буш.

— От их груза люди зависят.

— Мне что? — проговорила Буш. И, помедлив, добавила: — Пока они холодные.

Рация щелкнула, отплюнулась. С того корабля кто-то орал — но не на Мичо. Затем раздался другой голос, к нему присоединились, перебивая, еще несколько. Прогремели выстрелы. Пройдя через рацию, звуки боя становились слабыми и безобидными.

Вот и новый голос:

— «Коннахт», вы здесь?

— Еще здесь, — отозвалась Мичо. — Прошу назваться.

— Я Серджио Плант, — сообщил голос, — исполняющий обязанности капитана «Хорнблауэра». Готов сдаться. Только чтобы никто не пострадал, договорились?

Эванс улыбнулся, давая выход торжеству и облегчению.

— Бессе вас слышать, капитан Плант, — ответила Мичо. — Принимаю ваши условия. Приготовьтесь принять абордажную команду.

Она отрубила связь.

Мичо полагала, что история — это цепь неожиданностей, которые задним числом представляются неизбежными. Это касалось как планет, народов и гигантских корпораций-государств, так и судеб маленьких людей. Что наверху, то и внизу. Что с АВП, Землей и Марсианской Республикой Конгресса, то и с Оксаной Буш, Эвансом Гарнером-Чой и Мичо Па. И если на то пошло, с каждой живой душой на «Коннахте» и его братьях. Только для нее, занимающей это место, отдающей эти приказы, отвечающей за то, чтобы каждый член команды был жив, здоров и на той стороне, где надо, что-то значили маленькие личные истории мужчин и женщин на борту.

Для самой Па первой неожиданностью стало участие в военных действиях Пояса. В юности она готовилась стать

инженером-системщиком или администратором на одной из больших станций. Может быть, так бы и вышло, люби она математику больше. Мичо подала документы в Верхний университет, потому что считала, что ей туда, и провалилась, потому что там был жуткий конкурс. Получив от консультанта сообщение об отказе, Мичо была потрясена. Задним числом стало ясно, что этого следовало ожидать. Историческое зрение видит яснее.

АВП, вот этому его подразделению, она больше подходила. В первые же месяцы разобралась, что Альянс Внешних Планет — не столько объединенное революционное правительство, сколько торговая марка, созданная астерами в рассуждении, что что-нибудь в этом роде им следует завести. Группа Вольтера называла себя АВП, и обосновавшиеся на станции Тихо люди Фреда Джонсона — тоже, и Андерсон Доуз, правивший Церерой под знаком рассеченного круга, и Зиг Очоа, противостоявший ему под той же эмблемой.

Мичо много лет лепила из себя военного человека, в глубине души сознавая, что подчинение — не ее стезя. Было время, когда наличие высшего командования внушало ей чувство опоры — уверенность в собственной власти над подчиненными и власти начальства над ней. Это и возвысило Па до поста старпома на «Бегемоте». И привело в Медленную зону, когда человечество, пройдя сквозь врата, стало наследником тринадцати сотен планет. И убило ее любовницу Сэм Розенберг. После чего Мичо отчасти утратила веру в высокое начальство.

Опять же, задним числом все видится яснее.

Что до второй неожиданности, Мичо не сумела бы ее точно назвать. Групповой брак, или вербовка Марко Инаросом, или ее новый корабль и революционное задание Свободного флота. Жизни людские извилистее рудных жил, и не всякий поворот очевиден даже задним числом.

— Абордажная команда готова, — доложил Кармонди. Микрофон скафандра не передавал в голосе интонации. — Взламывать?

Кармонди, как глава десантной команды, строго говоря, не подчинялся Мичо, но относился к ней с почтением с первой минуты на борту. Он несколько лет прожил на Марсе, не состоял в множественном браке, образовавшем ядро команды «Коннахта», и был в достаточной степени профессионалом, чтобы смириться с положением постороннего. Этим он ей нравился, даже если в остальном — не слишком.

— Дай им возможность проявить гостеприимство, — отозвалась Мичо. — Если начнут стрелять, действуй по обстановке.

— Ясно. — Кармонди переключился на другой канал.

Теперь оба корабля зависли в невесомости, так что нельзя было откинуться на спинку амортизатора. А если бы могла, она бы откинулась.

Когда стало известно, что Свободный флот берет власть над системой и закрывает движение через Кольцо, флот колонистских кораблей, гнавший к новым мирам, оказался перед выбором: остановиться и сдать груз для распределения по наиболее нуждающимся станциям и кораблям — и сохранить свой корабль — или бежать с риском лишиться корабля.

На «Хорнблауэре» и на многих других кораблях, кроме него, рассчитали, что рискнуть стоит. Заглушив опознавательный сигнал, они раскручивали корабль и гнали как черти — но недолго. Разгон — поворот, разгон — поворот, разгон...

Это называлось «хотару». Короткая вспышка и уход в темноту в надежде, что огромный космос укроет их на время, пока политика не переменится. Припасов и продовольствия на таких кораблях хватило бы на много лет целой колонии. И если их не засекали в первый момент, потом искать беглецов можно было не одно поколение.

Дюзовый выхлоп «Хорнблауэра» следящие станции засекли сразу с Ганимеда и с Титана. Самое мерзкое для Мичо было уходить при погоне из плоскости эклиптики. Бóльшая часть гелиосферы Солнца распространяется выше и ниже тонкого диска, в котором вращаются по орбитам планеты и астероиды. Мичо питала к этим областям пространства суеверную неприязнь, видя в великой пустоте угрозу, с двух сторон теснящую человеческую цивилизацию.

Пусть Кольцо и нереальное пространство за ним более чужды человеку — а это действительно так, — но страх перед выходом из эклиптики рос в ней с детства. Он стал ее личным мифом и предвещал неудачу.

Мичо настроила монитор на изображение с камер абордажной команды и подключила тихую музыку. «Хорнблауэр» был виден теперь под двадцатью разными углами, а пальцы, перебиравшие струны арф и стучащие по коже барабанов, пытались ее успокоить. В шлюзе, широко раскинув руки, стоял темнокожий землянин. Полдюжины камер нацелились на него, в поле зрения попадали и стволы личного оружия. Остальные ловили движение на корпусе или вне корабля. Землянин поднял руки, развернулся, придерживаясь за скобу, и завел руки назад, подставив под затяжные «хомуты» наручников. Мичо показалось, что капитан Плант — если это был он — проделывает такое не в первый раз. Уже попадал под арест?

Абордажная команда вошла внутрь, взгляды и внимание переключились на коридоры. Шли группами: движение на каждом экране отмечалось на высветившейся рядом карте. Показался камбуз, где рядами плавала команда «Хорнблауэра» — руки простерты вперед в готовности принять свою судьбу. Картинки с камер шли мелкие, чтобы уместиться на ее мониторе, но даже в таком размере видны были слезы на лицах пленников. Маски горя, вылепленные поверхностным натяжением из соленого раствора.

— Ничего с ними не случится, — подал голос Эванс. — Са? Такая у тебя работа, да?

— Знаю, — процедила Мичо, не отрываясь от экрана.

Абордажная команда переходила с палубы на палубу, отключая управление. Отменная координация — словно единый двадцатиглазый организм. Сказываются профессионализм и муштра. Жилая палуба выглядела запущенной. Оставленные на плаву ручные терминалы и питьевые груши присосало к воздуховодам. Бездействующие при отсутствии ускорения амортизаторы торчали под разными углами. Мичо вспомнились старинные видео земных кораблекрушений. Корабль колонистов затонул в бесконечном вакууме.

Она не сомневалась, что Кармонди, прежде чем действовать, вызовет ее, и сделала музыку совсем тихой. Запрос на связь возвестил о себе деликатным звяканьем.

— Корабль под контролем, капитан, — доложил Кармонди. Двое из его людей смотрели на командира, так что Мичо видела движение губ и подбородка с двух точек зрения и одновременно слышала. — Сопротивления не оказывали. Никаких проблем.

— Буш, доложите! — окликнула Мичо.

— Их защиту сняла, — отозвалась Оксана. — Тода и аллее.

Мичо кивнула — скорее себе, чем Кармонди.

— «Коннахт» контролирует системы вражеского корабля.

— Мы устанавливаем периметр и запираем пленных. Запускаю автоматическую проверку.

— Понятно. — Мичо повернулась к Эвансу. — Давай-ка отойдем подальше, чтобы не задело взрывом, если в зерновом отсеке спрятана ядрена бомба.

— Исполняю, — ответил Эванс.

Движение на маневровых едва натянуло ремни — меньше десятой *g* и всего несколько секунд. Отбирать то, что кто-то считает своим по праву, — опасная работа. «Коннахт», конечно, проследит за абордажниками, будет держать пальцы на пульсе. Кроме того, каждые полчаса Кармонди станет отзваниваться по протоколу. Стоит ему пропустить сигнал, Мичо превратит «Хорнблауэр» в облачко нагретого газа — в поучение следующим кораблям. А нескольким тысячам обитателей Каллисто, Ио и Европы останется надежда на другие корабли Свободного флота.

Пояс наконец сбросил иго внутренних планет. Поясу принадлежала станция «Медина» в сердце врат и единственный действующий в Солнечной системе флот, им принадлежала благодарность миллионов астеров. В историческом масштабе это была величайшая победа свободы и независимости. В местном масштабе они сейчас спасали победителей от голодной смерти.

В ближайшие двое суток команда Кармонди будет удерживать несостоявшихся колонистов на запертых палубах, а корабль предстоит перегнать на стабильную орбиту у Юпи-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ДЖЕЙМС С. А. КОРИ

ПРОСТРАНСТВО ПЕПЕЛ ВАВИЛОНА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.10.2025.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 31,36. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ.
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербор,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-KNF-36745-01-R